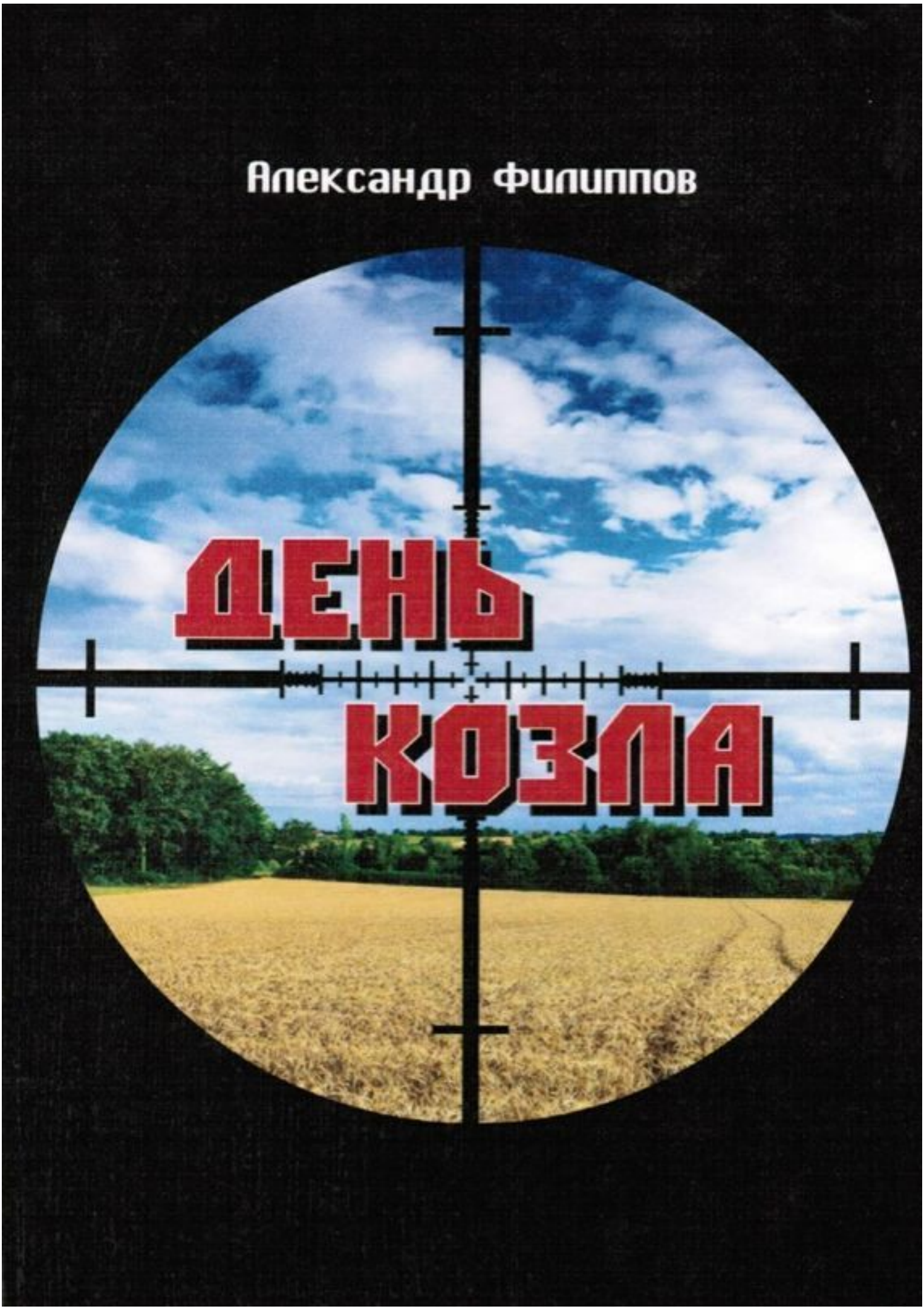
Александр Филиппов



ДЕНЬ КОЗЛА

Александр Филиппов

День козла

«Издательские решения»

2015

Филиппов А.

День козла / А. Филиппов — «Издательские решения», 2015

В небольшой Уральский городок приезжает на лечение к известной народной целительнице Первый президент России. Он уже не у дел, стар, немощен. Однако именно здесь, в провинции, он должен публично назвать имя своего преемника. Однако существуют политические силы, стремящиеся не допустить этого. Покушение на бывшего президента стремится предотвратить его телохранитель полковник ФСО Коновалов. По совпадению, он родом из этих мест…

© Филиппов А., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

I 6
II 9
III 11
IV 13
V 17
VI 19
VII 25
VIII 27
IX 29
X 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

День козла
повесть
Александр Филиппов

© Александр Филиппов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

I

Президентский кортеж – скромный, не в пример прежним, состоящий всего-то из трех автомобилей, – натужно ревя моторами, перевалил через пологий склон приземистой от древности уральской горы, и покатил по разбитому шоссе вниз, в долину, на дне которой обосновался заштатный городок с немилозвучным по нынешним понятиям названием – Козлов.

Именем своим городок был обязан распространенному среди жителей в прежние времена пуховязальному промыслу, сошедшему ныне почти на нет. А когда-то гремела слава местных пуховых платков – «паутинок», шерсть для вязания которых давала особая, обитавшая на здешних каменистых склонах порода коз. А какое же козье стадо без главного породопроизводителя – козла? Вот и выходило, что имя городок имел самое что ни на есть нормальное, осмысленное, но… платки, шали и полушалки вышли из моды, о главном предназначении козлов забыли, придав самцам этой породы животных исключительно бранный, оскорбительный даже в определенных слоях российского общества, оттенок, и жители Козлова называли теперь свой домашний адрес с некоторой заминкой – стеснялись.

Впрочем, полковник Коновалов, появившийся здесь на свет без малого полвека назад, не испытывал неловкости, указывая место рождения в анкетах, коих ему пришлось заполнить за долгие годы службы великое множество. Он, если честно, сейчас вообще ничего не испытывал, кроме раздражения от предстоящей встречи с городом, где прошли его детство и юность. Он забыл Козлов, вычеркнул его из памяти, заштрихованной тысячами других встреч и событий, бесконечной чередой городов, куда заносила его беспокойная служба. Тем более, что нынешняя поездка оказалась крайне некстати. Неотложные семейные дела требовали его присутствия в Москве, но пришлось бросать все и тащиться с непоседливым Дедом в глухую провинцию, к чертям на кулички…

Сверху, со склона горы, долина, где расположился городок, напоминала корыто, в которое сгребли, сыпанув без разбора, ненужный хлам и строительный мусор – сотню безнадежно состарившихся, похожих с высоты на груду сухих щепок, досчатых домишек, десяток безликих, как куски застывшего цемента, пятиэтажек «брежневской» застройки, несколько прокопченых труб, торчащих поминальными свечами по канувшей в небытие советской индустриализации, да могильные железобетонные плиты мертвых цехов у их подножия – вот и весь пейзаж, открывавшийся перед пребывающими в город путниками. Ничего выдающегося. Таких мест сотни теперь по России. Но, к сожалению Коновалова, именно здесь, в лабиринте кривых, залитых перламутровыми помоями улочек, и жила народная целительница Дарья Душнова, слух о которой докатился даже до президента.

И теперь он мчался сюда вместе с супругой, подремывая безмятежно во взятом напрокат у губернатора этого края джипе, а полковник федеральной службы охраны Илья Ильич Коновалов сторожил его тело и сон.

Вообще-то президент перестал быть действующим главой государства еще несколько лет назад, когда добровольно сложил с себя полномочия, и передал молодому приемнику свой недостижимый для абсолютного большинства простых смертных пост, но все-таки он был первым, и потому сохранил за собой пожизненно почетный титул Первого Президента, что льстило его стариковскому самолюбию, да еще кое-какие, позволяющие безбедно существовать на пенсии, льготы, в том числе и личную охрану.

И все-таки нынешнее положение бывшего президента, или Деда, как звали его промеж собой охранники, было далеко от прежнего. Отсюда и скромный кортеж, состоящий из чужого джипа, «Волги» с четырьмя телохранителями, которыми командывал как бы вышедший теперь вместе со старым президентом в тираж полковник ФСО Коновалов, да обшарпанного мили-

цейского «Жигуля», маячившего впереди синей мигалкой и пугавшего истеричной сиреной встречные заржавленные «Нивы» и разбитые по сельскому бездорожью «Уазики».

Когда-то такие поездки нравились полковнику, и, хотя для него, охранявшего первое лицо в государстве, сопровождались они непременно нервотрепкой, усугубляемой непредсказуемостью президента, был в той службе, напряженной до мата по радиотелефонам, веселый кураж, когда можно было по завершению визита выпить одним махом, не закусывая, щедро, с «бугорком» налитый рукой «Самого» фужер водки, а потом задремать после сытного ужина в роскошных апартаментах, под сенью величия охраняемого, но при этом спать чутко, по-собачьи мгновенно настораживаясь на каждый подозрительный звук.

В ту пору Коновалов месяцами не бывал дома, но жена сносила его отлучки со смиренным почтением, переполненная уважением к высокой государственной значимости мужниной службы. И, хотя распространяться об этом среди родственников и знакомых ей категорически воспрещалось, вскоре все соседи по лестничной площадке их нового элитного дома начали раскланиваться подобострастно с полковником, а самые общительные подмигивали заговорщески:

– Вы уж, Илья Ильич, нашего всенародноизбранного охраняйте получше. На него, орла, вся надежда! Только он, богатырь, Россию-матушку из болота векового способен вытянуть.

К середине девяностых годов всеобщее поклонение перед Первым Президентом сошло на нет, соседи стали здороваться пренебрежительнее, суше, а однажды острая на язык старушка, жившая приживалкой этажом выше, выговорила полковнику в сердцах:

– Давеча хотела молочка купить, да как глянула, почем оно таперича, молочко-то… Хоть бы нашелся добрый человек, и твоего хозяина-паразита укокошил! Ведь как нас, стариков, обобрали…

И все-таки он гордился тем, что находился рядом с президентом все эти годы. Ведь, как любил повторять тот, «…если и случались ошибки, то только тактические. Стратегических не было. Пусть история нас рассудит!» А он, полковник, принимал в сотворении новейшей истории самое живое участие…

Не то, что теперь. Нынче он колесил, сопровождая состарившегося безнадежно Первого Президента по больницам и клиникам, иногда нашим, но чаще забугорным, холодным от пластиковой и никелированной стерильности, скучным и однообразным, как армейская казарма. Бывшего верховного правителя России принимали там с дежурным почтением, промывали и прокапывали, чистили застоявшуюся кровь и циррозную печень, пытаясь подержать жизнь в дряхлеющем стремительно, работающим с бесконечными сбоями, как автомобиль «Победа» первых послевоенных выпусков, организме.

С недавних пор, отчаявшись обрести привычные когда-то крепость тела и бодрость духа, Дед ударился в народную медицину, эстрасенсорику и прочую чертовщину. На загородной даче его замелькали плутоватые целители, доктора нетрадиционных наук, в которых начальник охраны без труда распознавал то потерявших работу и оставшихся ни у дел «итээровцев», то проходимцев, а то и просто сумасшедших, искренне убежденных в чудодейственной силе своих лекарств, приготовленных из толченого красного кирпича вперемежку с лягушачьей желчью и бычьей мочой.

Самое удивительное, что был период, когда это вроде бы помогло, Первый Президент оживился, замельтешил на экранах телевизоров, здраво высказываясь по тем или иным вопросам текущей политики, но потом годы взяли свое, и он вновь обрюзг, располнел, и с трудом передвигался шаркающей походкой, так что заклубившихся было вокруг него телевизионщиков погнали в шею, а на смену им вернулись знахари с еще более невероятными рецептами омоложения и дурно пахнущими настойками какой-то гадости.

Некоторых Коновалов терпел, позволяя до поры морочить высокопоставленного пациента, других молча вышибал пинком под зад, иногда в буквальном смысле, но они все прибы-

вали, накатывались грязной пеной из взбаламученных реформами народных глубин, и супруга бывшего главы государства, озабоченная состоянием здоровья именитого мужа, привечала их, вступая в конфликт с недоверчивым начальником охраны.

И козловская целительница Дарья Душнова, как заранее озаботился выяснить по своим каналам полковник, была обыкновенной, хотя и знаменитой на всем постсоветском пространстве, шарлатанкой. Малообразованная бабенка, до сорока лет работавшая санитаркой в районной больнице, и вытуренная оттуда за кражу порционного сливочного масла у лежачих больных, она мгновенно сориентировалась в грянувших кстати реформах, объявила себя потомком магов, чьи корни якобы терялись в песчаных толщах древнего Египта. И хотя соседи знали ее родословную до седьмого колена, где встречались и прижимистые кулаки, и пьяницы-«золотовозы», и даже пра-прадед из крещеных татар, а вот египтян уж точно не было, если не считать бабки с мужниной стороны – польской еврейки из ссыльных, народ как-то сразу поверил потомственной колдунье и повалил к Дарье дуром, жалуясь на застарелые болячки, неверных женихов и пьющих мужей.

Душнова лечила отварами, шептала, плевала через плечо, привораживала, и люди платили ей – кто сколько мог, в итоге деньги получались немалые, на безбедную жизнь в провинциальном городке вполне хватало, а слава, невзирая на сомнительные результаты обращений, распространялась стремительно.

В конце концов кто-то подсказал адресок целительницы супруге Первого Президента. Та попыталась было заполучить Дарью к себе, в загородную резиденцию. Однако ушлая бабенка, быстро сообразив, что о ее визите на дачу к Первому Президенту, скорее всего, никто никогда не узнает, не в пример тому, если бывший глава государства прикатит к ней – городок-то маленький, все на виду, а слухами земля полнится, – уперлась и пригласила пациента к себе. Дескать, именно в Козлове существует особо целительная аура, обусловленная тектоническими разломами древних скальных пород и подземным излучением, которую она, Дарья, умеет концентрировать и направлять на пользу болезным.

И вынудила-таки, стерва, именитую чету собраться в дальнюю дорогу…

Гаишный «жигуленок» вдруг взвыл сиреной особенно истерично. Коновалов вздрогнул, огляделся по сторонам. Кортеж въезжал на городскую окраину. Областные власти, с которыми полковник накануне связывался по телефону, пообещали к прибытию высокопоставленного гостя привести городок в мало-мальски божеский вид, подлатать, где можно, заборы и обновить фасады домов, заасфальтировать проезжую часть улиц, но, как знал по опыту последних лет Коновалов, все наверняка ограничится лишь бессмысленной побелкой телеграфных столбов, стволов деревьев вдоль трассы и придорожных бордюров.

Президент встрепенулся, когда джип ощутимо тряхнуло на первой же, слегка закомуфлированной песком, выбоине в асфальте, открыл осоловелые глаза, спросил заполошно:

– Кто?! Што?! – но, успокоенный сидящей рядом женой, опять задремал, опустив на грудь тяжелую голову и занавесив одутловатое лицо седой прядью упавших со лба волос.

Коновалов с неудовольствием поймал себя на том, что разволновался-таки от встречи с родным некогда городком, попытался успокоить приступ сердцебиения, и постарался безучастно, с чисто профессиональным интересом телохранителя смотреть в окно, оценивая, не таится ли там потенциальная опасность для Первого Президента, но мало что видел из-за поднявшегося за гаишниками пушистого, как лисий хвост, столба пыли.

Как и предвидел он, бордюры там, где они сохранились, были и впрямь побелены, ямы в дорожном полотне присыпаны смесью песка и щебня, а вот на редкозубые заборы, гнилой штакетник палисадников ни сил, ни средств у муниципальных властей уже не хватило. Они зияли щербато, и деревья тянули сквозь бреши навстречу гостю грязные пятерни пыльных листьев, да лаяли неприветливо, не испытывая ни малейшего почтения к знатному гостю, отличавшиеся особой злобностью цепные козловские псы.

II

Сперва областное начальство предполагало поселить Первого Президента в лучшем местном отеле, выстроенном в Козлове каким-то спятивши от дурных денег «новым русским», и теперь прогоравшим тихонько на гостинничном бизнесе, ибо потенциальные постояльцы, наезжавшие в городок из сельской глубинки, по причине врожденной скромности и дороговизны аппартаментов обходили роскошные номера с сауной и пустующей биллиардной, предпочитая по традиции кучно селиться в «Доме колхозника», платя по тридцать рублей в сутки за продавленную койку.

Однако Коновалов решительно отказался от необитаемого отеля – не из-за цены, естественно, смета расходов отставного президента и не такое терпела, а из-за того, что обеспечить безопасность охраняемого лица в этом здании, расположенном в центре города, было бы затруднительно.

Идеально соответствовала целям изоляции постояльца от нежелательных контактов бывшая обкомовская дача, стоящая несколько на особицу, в старинном парке на берегу мелкой речушки, и обнесенная высоким тесовым забором.

Вообще-то полковнику по долгу службы положено было накануне визита лично побывать на месте будущей дислокации отставного президента, оценить наметанным глазом, что да как, определить систему охраны, выявить уязвимые для злоумышленников пути доступа к «телу», однако такие, и даже еще более жесткие меры безопасности предписывались только в отношении действующих высших должностных лиц государства, а президент, хоть и носивший гордый титул Первый, был все-таки бывшим, и на разведывательные вояжи его малочисленной охраны уже не хватало.

Тем не менее, по согласованию с ФСО сотрудники областного УФСБ побывали здесь за день до визита, прочесали дачку с окрестностями и гарантировали отсутствие взрывных устройств, прослушивающих закладок, а заодно наличие в городке террористических групп и маньяков, одержимых идеей убийства Первого Президента.

Водитель губернаторского джипа, прикомандированный в распоряжение Коновалова вместе с автомобилем, хорошо знал дорогу, и решительно свернул с городской улочки на грунтовое полотно, углубился по нему в чащу вековых дубов, и через минуту мягко затормозил возле длинного забора, выкрашенного в умиротворяюще-зеленый цвет, у подножия которого вольготно разрослись огромные, как слоновьи уши, лопухи.

Президент опять проснулся, заворочался на заднем сиденье. Супруга, прижимая к груди дамскую сумочку, вздохнула: «Ну наконец-то! Приехали…», и зашарила по дверце машины в поисках ручки – выходить.

Полковник, буркнув шоферу: «Не глуши!», и в сторону президентской четы: «Не торопитесь, минуточку!», первым спрыгнул с высокой подножки джипа. Огляделся, мгновенно оценивая обстановку – больше по многолетней привычке, чем из предосторожности.

Подкатила «Волга», из нее высыпали четверо охранников, закрутили головами, как учили – по секторам.

Осмотревшись, Коновалов увидел торчащий из-за плотного, доска к доске, забора, бревенчатый дом, сияющий жестянно двускатной крышей, распахнутые настежь ворота, у которых кучковалась, растянув в улыбке одинаково толстые, словно у клонированных близнецов физиономии, районное начальство, смазливеньких девчушек в длинных платьях и сверкающих разноцветными стекляшками кокошниках – не иначе как из местного ансамбля русской песни и пляски реквизированных, с пышным караваем в руках, который венчала фаянсовая общепитовская солонка. Полковник, скользнув по ним взглядом, перенацелил взор на окрестности. Со всех сторон дачу окружали высоченные дубы, ярусом ниже росли березки и клены,

и только со стороны дороги пространство оставалось открытым. Там просматривались окраинные городские хибарки с зеленеющими огородами, и дальше, в километре примерно, высились здания двух крупнопанельных пятиэтажек.

И в миг, когда президент, поворочавшись внутри джипа, в стариковском нетерпении сам открыл дверцу, полез, как раздраженный медведь из берлоги, наружу, опустив на землю сразу обе ноги, благо гренадерский рост это ему позволял, в то же мгновение по глазам полковника резанул солнечный зайчик. Еще не сообразив, что к чему, определив лишь, что бликует где-то в окне одной из отдаленных пятиэтажек, Коновалов изо всех сил толкнул, вернее швырнул президента назад в машину.

И в ту же долю секунды у лица начальника охраны, там, где только что находилась голова Деда с буйной шевелюрой растрепавшихся после сна волос, тонко свистнуло. По горячей волне опалившего лицо ветерка полковник безошибочно распознал пролетевшую пулю!

– Заводи! Быстро в ворота! – заорал Коновалов водителю, и тот заполошно вцепился в баранку, газанул, а президент, завалившись спиной на жену, просипел плаксиво:

– Ты што, Илья? Охренел?! Твою мать…

Джип, с визгом крутанув колесами, сорвался с места и влетел во двор, окатив пылью едва успевших отскочить в сторону девчушек в нелепых кокошниках, и укрылся за высоким забором.

Коновалов спрыгнул с подножки, оглянулся на вбегавших в ворота охранников.

– Что случилось? – запаленно спросил, выдергивая пистолет из заплечной кобуры, один из них.

Полковник махнул рукой в сторону дачи, приказал:

– Быстро осмотреть помещения. Вы двое обшарьте все кусты во дворе. Проверьте, нет ли другой калитки, дыры в заборе. – и пояснил встревоженным сослуживцам вполголоса, чтобы не слышали посторонние, – Снайпер!

III

Выругавшись сквозь зубы, снайпер передернул затвор армейской СВД, и латунная гильза, звякнув, покатилась по полу. В комнате отчетливо запахло пороховой гарью.

Только что в перекрестье оптического прицела он отчетливо видел одутловатое, знакомое по тысячам фотографий и телевизионных кадров лицо Первого Президента, но за мгновение до того, как указательный палец нажал на чуткий спусковой крючок, оно исчезло, а еще секунду спустя вся картина смазалась, затянулась пылью, и машина, рванув, скрылась за высоким забором на территории дачи, став недоступной выстрелу, и унеся в своем объемистом чреве живую мишень.

Вторую пулю посылать было не в кого. Не в охранников же, которые – это было хорошо видно в мощную оптику – сбежались стайкой у самых ворот, крутили опасливо головами, каждый держал правую руку запазухой, готовый в любую минуту открыть стрельбу, но снайпера на таком расстоянии разглядеть они не могли. Да и звука выстрела наверняка не услышали, хотя глушитель у него был старый, дрековский, винтовка долбанула так, что сухая замазка с оконных рам посыпалась, но все-таки километр – это прилично, если и донеслось что до них, так звук не громче хлопка пробки, выскочившей из бутылки взбаламученного шампанского.

Минуту спустя из ворот на дорогу, где только что стоял президентский джип и колготилось встречавшее высокого гостя районное руководство, вышел коренастый, короткостриженный мужик, и, приставив ко лбу ладонь козырьком, пристально вгляделся в пятиэтажку, откуда стрелял снайпер. Видать, засек направление, может быть, и окно, из которого вылетела пуля.

Стрелок инстинктивно отпрянул в глубину комнаты, и, понимая, что не может быть виден с улицы, за тысячу метров, все-таки шагнул в сторону, скрываясь в полумраке неухоженного жилища, рассматривая в прицел старшего телохранителя. Ему казалось, что этот пожилой президентский охранник непостижимым образом вычислил его укрытие, и теперь пытается разглядеть снайпера, что на такой дистанции, сквозь мутное, в разводах грязи оконное стекло, конечно же, физически невозможно.

«А ведь это наверняка тот, что за мгновение до выстрела оттолкнул бывшего президента, – сообразил вдруг стрелок. – Толковый должно быть, мужик!»

Снайпер одобрительно хмыкнул. Несмотря на досадный промах, он не испытывал сейчас неприязни к опередившему его незнакомцу. Служба есть служба. Мало ли кто теперь служит, кому и за что! Ему, стрелку, нужен был только Первый Президент. Тот, в которого он уже много раз целился из винтовки по ночам в тревожных снах, и всякий раз мазал, не мог поразить, просыпаясь в холодном поту. То патрон давал осечку, то пуля, наткнувшись на невидимую, как бронированное стекло, стену, с визгом уходила в сторону. Но чаще немели, отнимались от накатившей неведомо с чего немощи, руки и надежная снайперская винтовка Драгунова оказывалась непомерно тяжелой.

И все-таки он был уверен, что, если выпадет случай, не промахнется наяву. Слишком важен был этот выстрел, ставивший точку в биографии Первого Президента, и, конечно, его, стрелка тоже. Но последнее для снайпера было уже не важным.

И вот, благодаря невероятному стечению обстоятельств – и в этом он видел предопределяющий перст судьбы – встреча, о которой он мог только грезить ночами, перекатывая горячую от опаляющей ненависти голову по влажной от пота подушке, состоялось. Не раздумывая ни секунды, не терзаясь сомнениями, он тщательно выцелил знакомый профиль, выстрелил! И – промахнулся…

Но это не беда – утешал он себя. Это только тренировка. Пристрелка. Президент пробудет в Козлове, снайпер знал это точно, не меньше недели. И стрелок дождется своего часа. Не надо только суетиться, мельтешить. И тогда… То, что делает с человеческим телом пуля калибра

7.62, выпущенная из патрона образца 1896 года, знают не многие. А он, стрелок, знает. Видел вблизи. Не привиди, как говориться, господь…

Снайпер достал из кармана куртки-«штормовки» носовой платок, и с его помощью, не оставляя отпечатков пальцев на раме, прикрыл створку окна. Нагнулся, поднял с пола еще теплую после выстрела гильзу. Потом, отомкнув прицел, сунул винтовку в длинный брезентовый чехол, из которого мирно торчали концы складных бамбуковых удилищ. Снял с подоконника и нахлобучил на голову старую соломенную шляпу с обвисшими полями, затенявшими его лицо. Поднял жесткий воротник затрапезной «штормовки», закинул чехол с неприметной среди удилищ винтовкой на плечо, подхватил стоящий здесь же садок с десятком уснувших навечно карасиков, каких ловят в старице на окраине городка и, сгорбившись, вышел из квартиры, осторожно прикрыв за собой дверь, в пустынный подъезд.

Он знал, что вероятнее всего, никого не встретит здесь в этот утренний час, излюбленный ворами-домушниками, а если и столкнется с кем-то на лестничной клетке – каждый примет его за не слишком удачливого рыбака, коих великое множество расплодилось в последние годы в этом истощенном хронической безработицей городишке.

IV

В полдень того же дня начальник областного управления ФСБ генерал Родионов вызвал в свой кабинет начальника отдела антитеррористических операций майора Сорокина.

Тот, с позволительной контрразведчикам вольностью одетый в гражданское, кивнул, войдя, и вытянул руки по швам, что должно было означать подчинение и почитание старшего по должности и званию, а потом сел, следуя приглашению генерала, за приставной столик и с готовностью раскрыл перед собой обшитую кожей обложку толстого органайзера, извлек авторучку, и клюнул ее стержнем страничку, изобразив готовность записывать любые указания шефа.

Начальник УФСБ был человеком старой закалки, генералил с тех еще, кагэбэвских времен, и, хотя головокружительной карьеры не сделал, застряв на региональном уровне, пересидел-таки чудом все многочисленные реорганизации родного ведомства, с перетряской отделов и кабинетов, напоминавшие больше зачистки нелояльно настроенных чеченских сел, научился гибкости и компромиссам, мог произносить слово «демократия» искренне-будничным тоном, не вкладывая в это понятие саркастического смысла, но порою не мог сдержать раздражения вопиющим пренебрежением установленных правил секретности.

– Ты бы еще ноутбук сюда притащил и по клавишам щелкал. Чтоб все мои распоряжения какой-нибудь хакер-цэрэушник читал, – недовольно покосился в сторону новомодной записной книжки генерал.

– В следующий раз – непременно, – обезоруживающе улыбнулся майор. – Я как раз курсы обучения компьютерным технологиям прошел. Двухмесячные, платные. А платил, между прочим, из своей скромной зарплаты…

– Ты про зарплату не намекай, – усмехнулся генерал. – Раньше нам разведки чуть ли не всего мира противостояли. Да внутренние враги. Потому и платили в госбезопасности сотрудникам по повышенной ставке. А сейчас за что вам зарплату повышать? Кругом – одни друзья. Никаких врагов – ни внешних, ни внутренних. Благодать, а не служба! А ты хочешь, чтоб тебе за нее еще и большие деньги платили?! – он укоризненно покачал головой, указал прокуренным до желтизны пальцем на органайзер. – С папочкой к начальству надо входить. С па-по-чкой! Вам в канцелярии их для чего в начале года раздали? А, в папочке – блокнот. Специальный, для служебных записей. С прошнурованными страницами. – И вздохнул ностальгически. – Эх, молодежь… Не нарывались еще…

Потом, достав пачку сигарет – особо легких, бездымных почти, которые докуривал, тем не менее, до самого фильтра, щелкнул настольной зажигалкой и перешел к делу.

– Тут вот что, майор. Ты в Козлове перед визитом Первого Президента побывал? Побывал. Отчет составил?

– Составил, – насторожился Сорокин.

– И выходило по твоему отчету, – ласково напомнил генерал, – что высокой особе ничего там не угрожает.

– Так оно и есть! Тихий городок, сонный.

– А сегодня утром, сразу по прибытию, на бывшего главу государства там покушение устроили, – будто с некоторым удовлетворением от случившегося заключил начальник УФСБ. – Так вот все и бывает! Вначале пренебрегаем режимом секретности, записываем служебную информацию, где попало, а потом раз – и террористический акт. Проморгали!

– Покушение? – проигнорировав явную алогичность в умозаключениях генерала, выгнул дугой в недоумении брови Сорокин.

Генерал с презрением посмотрел на суперлегкую сигарету, сгоревшую мгновенно, как бездымный порох, ткнул тлеющим фильтром в пепельницу, сказал задумчиво:

– Ну, я лично не торопился бы именно так назвать этот… э-э… прецедент, а только начальник охраны Первого Президента утверждает, что сразу после того, как джип с высокой особой и машины сопровождения подъехали к обкомовской даче, в Деда шмальнули из снайперской винтовки примерно с километрового расстояния.

– И… что?

– А ничего. Снайпер промахнулся. В итоге Первый Президент цел, пули, как вещдока, нет, есть одна эта, как ее… эфемерность, данная нам в ощущениях начальника президентской охраны. Он вишь ли, блик от оптики заметил, и свист пули услышал. А их, как известно, к делу не пришьешь…

– Так с чего же, товарищ генерал, весь сыр-бор? Может, никакого покушения и не было? – чутко уловив отношение начальства к случившемуся, осторожно поинтересовался Сорокин. – Может, почудилось телохранителю? Мало ли что у нас на улицах свистит да блестит? Переутомился с дороги, вот и… померещилось.

Генерал вытянул из пачки еще одну сигарету, закурил и поморщился, затянувшись:

– Херня какая… – и непонятно было, относится ли это к особо легкому, бездымному табаку, или к ситуации в целом. – Тут, видишь, такое дело, – сказал он, помолчав минуту. – Мы с тобой как угодно думать про это дело можем, А мне из Москвы уже звонили. Коновалов, ну, начальник охраны Первого Президента сразу после случившегося не мне, а в свое ведомство, ФСО, стуканул. А они на наше руководство вышли. И есть четкое указание – разобраться, что к чему, и оказать посильную помощь. Мало у нас своей головной боли, так еще персона важная прикатила…

Сорокин, понурясь, кивал сочувственно, закрыв неблагонадежный органайзер, и запоминал.

– Я ведь не зря тебе про режим секретности напомнил, – продолжал между тем генерал. – День и час прибытия Первого Президента в Козлов должен был составлять строжайшую тайну. Ведь так?

– Так, – с готовностью кивнул Сорокин.

– Ну вот. А в итоге, не успело названное лицо подъехать к месту временной дислокации, как по нему из винтовки бабахнули. Вот тебе и тайна! Значит, знал кто-то, ждал…

Сорокин заерзал тревожно.

– Секретность, товарищ генерал, в данном случае – понятие относительное. Про визит многие знали. Руководство города и района – раз, – загнул майор первый палец. – Их жены и родственники, естественно, тоже… Без этого не обойдется.. Сама Дарья Душнова… целительница, то есть. А уж ей-то, несмотря на наше строжайшее предупреждение, рот платком не завяжешь. Как же! Сам глава государства, хоть и бывший, за помощью обратился! Дура она, что ли, этим-то не похвастаться… Плюс местные «силовики», – Сорокину не хватало уже пальцев на обеих руках, и он принялся разгибать их, демонстрируя генералу. – Милиция, прокуратура, ГАИ, наши хлопцы-чекисты, понятное дело. А еще областное звено, губернатор, его окружение. Какая уж тут секретность! Да у нас любой житель знает – если вдруг ни с того, ни с сего в городе начали бордюры белить и дороги латать – жди большое начальство в гости.

– Я так полагаю, что от этой гласности народу в стране погибло не меньше, чем от сталинских репрессий, – пригорюнился начальник УФСБ, а потом предложил неожиданно. – Ты, майор, книжечку-то свою открой и доложи мне оперативную обстановку в Козлове. Справочку-то я твою, конечно, читал, но лучше теперь так, на словах…

Сорокин, не притронувшись к органайзеру, зачастил по памяти:

– Общественно-политическая ситуация в городе и районе спокойная. Весной бастовали педагоги двух школ по поводу невыплаты зарплаты, но после получения денег успокоились. Высок уровень безработицы, что осложняет криминогенную обстановку. Остановлены кир-

пичный и механический заводы. Прошли сокращения на железной дороге. Из десяти акционерных обществ – бывших колхозов осталось на плаву только три. Остальные разорились…

– Ты мне про экономику не гони, – поморщился генерал, – такая ситуация по всей России. Есть там что… специфическое?

– Да нет, – развел руками майор. – Городок как городок. Семь тысяч жителей. Чеченской диаспоры нет. Молодежных группировок экстремистской направленности тоже. Есть паратройка скинхедов – пацаны, недоучки, они про Первого Президента и не слыхали, небось. Вообще, товарищ генерал, революционеров в Козлове отродясь не было. Они даже в гражданскую войну то красным, то белым сдавались. Обыватели, одним словом.

– Экскурсы в историю меня тоже не интересуют. У тебя агентура там есть?

– Есть, – с гордостью вскинулся Сорокин – Хороший агент. Пеликан его псевдоним, если помните. Вы его отчеты читали.

– Белиберду он пишет, твой Пеликан. Ахинею. Не развиваете агентурную сеть, вот и не знаете ни хера! – взорвался вдруг, хлопнув ладонью по столу генерал.

Майор обреченно пожал плечами.

– Так время такое на дворе, сами понимаете… Да и денег на вербовку выделяется – кот наплакал. Разве ж за такие гроши серьезного информатора заполосатишь?[1]

– Мне вас учить, как источники вербовать? – побагровел генерал. – Деньги, деньги… Может, еще в баксах потребуешь стукачам платить? За деньги и дурак чего хочешь узнает. А ты с него бесплатно шкурку отбери.[2] Возьми на компру. На шантаж. Не в институте благородных девиц работаете! Если человека за яйца схватить, да поприжать, крутануть хорошенько, он тебе все расскажет. Да еще приплатит, чтоб отпустил. Де-е-ньги… Расчувствовались при демократах… Чистоплюи!

Сорокин вскочил, вытянулся в струнку, пережидая разнос.

– Ладно, садись, – остывая, предложил генерал. – Продолжай свои измышления, которые ты мне вместо оперативной информации сейчас впариваешь.

Майор сел, заявил, набравшись смелости.

– Я, товарищ генерал, с полной ответственностью заявляю, что террористических групп в Козлове нет. Хотя не исключаю появление заезжего киллера. Но тогда концы в Москве искать нужно. Пусть там по своим каналам… провентилируют.

– Они нам навентилируют, – буркнул, отходя, начальник УФСБ. – Так навентилируют, что нас с тобой с должностей посдувает.

– И еще, товарищ генерал, может иметь место версия появления сумасшедшего. По статистике девяносто процентов покушений на глав государств совершают такие… чокнутые.

– Коновалов уверяет, что стреляли из окна пятиэтажки, с дистанции в тысячу метров, предположительно из снайперской винтовки Драгунова. Это серьезное оружие. Да и попасть из него в цель на таком расстоянии может только профессионал. А ты говоришь – сумасшедший.

– Сумасшествие может и не влиять на профессиональные навыки, – тактично заметил майор. – Например, обращения с оружием, меткой стрельбы. У нас столько мужиков через войны прошло – Афганистан, Чечня. У многих после этого крыша поехала. Это, между прочим, не я, а психологи утверждают.

Генерал хмыкнул, достал очередную бездымную сигарету, глянул на нее с ненавистью и предложил:

– Ну а раз ты такой умный, то сейчас же выезжай в Козлов. Обратись к полковнику Коновалову, да посмотри вместе с ним, что да как.

---

[1] Заполосатить – завербовать, приобрести источник информации /жаргон спецслужб/.

[2] Отобрать шкурку – получить донесение.

– Будет сделано! – вскочил молодцевато Сорокин. Генерал махнул рукой, отпуская, и лишь у самых дверей окликнул.

– Майор!

Тот повернулся с готовностью.

– Ну а если, майор, президента все-таки укокошат… Да что я тебе объясняю. Сам понимать должен. Иди.

V

Бывшая обкомовская дача при ближайшем рассмотрении оказалась огромной, на крестьянский манер рубленной из неохватных стволов лиственницы избой. Было в семидесятые годы прошлого теперь века поветрие в партийных кругах – такое вот хотя бы временное, в дни отдыха, единение с народом посредством деревянного, без изысков и навязчивых современных удобств жилища, и простой, матушкой-природой дарованной, пищей – жареной дичью, рыбкой осетровых пород, да икоркой из погреба, с ледника.

Помимо просторного зала с камином и широким, как теннисный корт, столом, в доме была кухня, обставленная на крестьянский манер, с дровяной печью, и нынешней, газовой, а из длинного коридора, устланного зеленой ковровой дорожкой, несколько дверей вели в отдельные спальные.

Тем не менее, туалетная комната в доме была, и натерпевшийся в дороге Дед прежде всего направился нетвердой походкой туда, при этом с лица его не сходило выражение горькой обиды. Вот, дескать, дела-то как повернулись! Был главой государства, да весь вышел. Привезли незнамо куда, в избушку на курьих ножках, всю дорогу из машины не выпускали. Ни тебе на природу посмотреть, ни с народом, понимаешь, пообщаться. Даже телохранитель… как его? Кор… Не, Коновалов, во! Теперь, понимаешь, какой-то Коновалов запросто за грудки схватить и толкануть может – сиди, мол, старый пень, не высовывайся, пока не позволят!

– Мать! А, мать? – позвал он жену, бредя потерянно по бесконечному коридору. – Где тут сортир, а?!

Та прибежала с какой-то женщиной – заведующей, видать, здешней, показала.

Дед подошел, принялся рассматривать рисунок на указанной двери. Там был изображен писающий в горшок мальчик, – Эт што, детский, што ли? – указывая на картинку, обиженно повернулся к провожатым бывший президент, но те уже ушли, их голоса доносились в одной из спален – распаковывали вещи.

Дед осторожно открыл дверь, заглянул. Туалет был обыкновенный, с фарфоровым унитазом под пластиковой крышкой, с рукомойником, снабженным полотенцем и мылом.

Справив нужду, президент зашаркал по коридору, заглядывая поочередно в распахнутые настежь двери чисто прибранных, обставленных старомодными спальными гарнитурами, комнат. Из одной вышли две полные, похожие на кукол-матрешек, женщины. Увидев перед собой Первого Президента, они остолбенели от неожиданности, потом, дружно ойкнув, шмыгнули мимо.

В следующей комнате он обнаружил давешнего телохранителя. Тот придирчиво осматривал окно, проверяя крепость запертых и даже намертво закрашенных белой эмалью шпингалетов.

– Илья! – позвал, внезапно вспомнив имя охранника, Дед. – Ты што меня давеча толканул-то?!

Телохранитель оторвался от своего занятия, повернулся к президенту и в смущении опустил глаза.

– Так птичка… – пояснил он, конфузясь. – Летела, знаете ли, под небесами, и, прошу прощения, обделалась. Если б не я – прямо на вас.

Президент пожевал скорбно губами, а потом сказал возмущенно:

– Вот безобразие! Гадят, понимаешь, прямо на голову! Никакого порядка в стране!

– И не говорите, – кивнул телохранитель. – Никакого уважения к сединам. – И опять полез на подоконник проверять форточку.

Президент пошел дальше, размышляя о нынешних нравах и отсутствии уважения к старшим. Он уже забыл, зачем приехал в этот богом забытый городок, раздражаясь, что все выхо-

дит как-то не так. Его народ с хлебом-солью встречал, а тут птичка эта, охранник… Толканули его… Да и шофер сумасшедший какой-то, газанул, чуть людей не передавил… А ведь он, президент, должен с народом общаться. Сказать ему что-то важное… Вот только что? Ладно, в другой раз скажет, не в этот…

– Ма-а-ть! Ты где? Ма-ать! – Опять позвал он жену.

Та выглянула из спальни, всплеснула руками.

– Господи!

И кинулась к нему, нагнулась, схватила… прямо за это самое, так ему показалось.

– Ты што мать? Офанарела? – отшатнулся он, а потом глянул вниз. Ну да, точно. Забыл в туалете застегнуть брюки, и из ширинки вызывающе колом торчала смятая пола белой рубашки.

Жена заправила, застегнула.

– Во как, – растерянно пробормотал Дед, разведя руками. – То-то я иду, а на меня все так… испуганно смотрят!

– Ты ж президент, вот и смотрят, – успокоила жена. – Они, небось, на картинке-то тебя только и видели. А тут ты живой идешь, да еще с таким аппаратом! – прыснула она, указав на ширинку.

– Смеешься, да? – обиделся Дед. – А ты мне лучше вот што скажи. Когда сюда ехали, ты говорила, што я перед народом выступить должен. Што должен, я помню, а што сказать ему надо – эт я, понимаешь, забыл.

– Где ты народ-то увидел? Нет здесь никакого народа. Одна хозобслуга, – успокоила его жена.

– Как нет?! – изумился президент. – А эти… с хлебом и, понимаешь, солью…

– Ну, в другой раз пообщаешься, выступишь перед ними – увещевала его, ласково беря под руку, супруга.

– Да не помню я ни хрена, про что говорить! – всхлипнул Дед.

– А я тебе напомню, – зашептала в ухо жена. – У меня все на листочке написано. Крупными буквами. Ты только прочти не сбиваясь – и все дела. А сейчас пойди, приляг. Я тебе постель постелила. Мя-а-гонькую, – ворковала она, увлекая супруга в спальную. И потом прикрикнула в коридор. – Ну-ка, тихо все! Президент отдыхает.

Дед лежал, утопая в пуховой перине, смотрел в плотно зашторенное окно, размышляя над тем, как он оказался здесь, в этой незнакомой комнате и зачем. Потом его осенило: он приехал лечиться! И, уже засыпая, опять удивился: лечиться – от чего? Ведь у него вроде ничего не болит… А вот сказать что-то народу он должен именно здесь. Теперь бы еще вспомнить, что именно…

VI

После полудня, когда президент уснул, Коновалов провел короткое совещание с сотрудниками своего маленького подразделения. Он разбил их на двойки, сменяющие друг друга каждые восемь часов. Одна пара должна была нести службу во дворе, блокируя и жестко пресекая любые попытки посторонних приблизиться к дому. Другой двойке предписывалось находиться внутри помещения, в непосредственной близости к президенту. Эти могли чуток расслабиться, поесть и передремать по очереди, но так, чтобы постоянно контролировать Деда.

Весь обслуживающий персонал дачи удалили, оставив лишь пожилую повариху, которая хозяйничала на кухне. Она и накормила полковника, вначале стесняясь близости высокопоставленных особ, а потом, войдя в привычную роль, потчевала настойчиво и радушно.

– Кушайте, товарищ, уж простите, не знаю, как вас по батюшке. Чем богаты, тем и рады. У нас ведь все натуральное, на земле выращенное. Без химикатов да пестицидов. И говядинка, и курятинка свежие. Не то, что у вас в Москве – говорят, все импортное. И коровы бешеные, и ножки Буша с антибиотиками… Отрава! Вы уж скажите, чего президент-то наш обожает – сготовлю. Я все умею. Может, разносолов каких? Салатик вот крабовый, только вместо крабов хвостики рачьи, вкуснотища! Речка у нас чистая, от того и раков в ней прорва, губернатор, бывалыча, приезжает и говорит: свари-ка ты мне, Ниловна, раков! Я тут все начальство кормлю. Вы только прикажите, что сготовить-то…

– Не надо ничего выдумывать, – посоветовал полковник, попробовав-таки салата с рачьими хвостиками. – Главное, чтобы продукты были доброкачественные. Сварите супчик какой-нибудь, лапшичку куриную. Пельмени, беляши… Президенту все можно есть, только с жирами не перебарщивайте.

– Вот спасибочки за подсказку, – причитала, смахивая со лба крупные капли пота повариха. – Я так и знала, что наш президент кушать любит по – нашенски, по-простому. А супруга его?

– То же, только на фрукты да овощи налегает, – усмехнулся Коновалов, – Вы ей огурцов, помидоров нарезанных положите. Если есть – яблоки, клубнику. Да, рыбу можете поджарить, только бескостную, чтоб президент не подавился.

– Значит, пельмешки на ужин? – уточнила повариха, когда полковник встал из-за стола, утирая губы салфеткой.

– Валяйте, – разрешил он.

– А это… напитки? Водочки… Или – ни-ни?

– Ни-ни – погрозил пальцем Коновалов. – Чай, соки, вода минеральная – это пожалуйста.

– Понимаю, – закивала повариха. – Я ж понимаю… У меня муж тоже, пока трезвый – золотой человек, а как напьется… – сообразив, что сболтнула лишнего, она прикусила язык и кинулась убирать со стола.

– И еще, – строго глядя в глаза поварихе, сказал на прощание Коновалов. – Чтоб никаких посторонних на кухне. А домой пойдете – не распространяйтесь, где работаете сейчас, кого кормите. Это дело государственной важности.

Повариха закивала испуганно:

– Понимаю, касатик. Нас, кто язык распускать, сплетничать любит, на такой работе не держат, А я тридцать годков руководство кормлю – и районное, и областное. Даже министры бывали!

– Во-во! – со значением подтвердил полковник и вышел. Подойдя к стоящему у ворот джипу, он забрался внутрь и приказал водителю:

– Отвези-ка меня, братец, к целительнице вашей, Душновой. Знаешь, где она проживает?

– Кто ж не знает, – с готовностью завел двигатель водитель. – Областное начальство к ней тоже частенько наведывается. И жен возит.

– Что, помогает?

– Да, по разному. Зато теперь, после президента, к ней и подавно повалят!

Коновалов помолчал, всматриваясь в окрестности, по которым катил, охая на ухабах, джип, предложил шоферу:

– Ты, парень, дорожку-то подмечай. Где какие повороты или укрытия… Мало ли что. Выбери несколько маршрутов, по которым президента возить будем. Чтоб всякий раз новым путем, с элементами, так сказать, неожиданности.

– Из соображений безопасности? – догадался водитель. А потом сказал, дрогнув от напряжения голосом. – Вы, товарищ полковник, в случае чего, можете на меня положиться. Я в армии служил, в разведке. Могу и отстреливаться, если оружие дадите. Тогда, у ворот, когда вы команду мне дали – я мигом сообразил. И газанул. – Это что… покушение было?

Коновалов искоса глянул на него. Парень сметливый, говорит искренне. Поинтересовался приветливо, протянув руку:

– Мы так толком и не познакомились. Тебя как зовут-то?

– Василий.

– А меня Илья Ильич. Я, Василий, за безопасность Первого Президента в ответе. Но и ты теперь – тоже. Как личный водитель главы государства, хотя и бывшего. В прошлый раз в нештатной ситуации ты хорошо среагировал. Считай это тренировкой… на всякий пожарный случай. И впредь внимательно слушай мои команды. Скажу «стоп» – тормози мгновенно. Скажу «вперед» – дави на всю железку. Правила уличного движения тебя в такой ситуации не касаются. Если внезапно посторонняя машина перекроет дорогу – тарань ее, бей в первую или заднюю треть корпуса и уходи, не оглядывайся. То же – если человек вооруженный на пути встанет. Если гаишник или еще кто… в форме, прикажет остановиться – жми на газ. С местными ментами договоренность есть, они твой джип знают, палками перед ним махать не будут. Всех остальных мы с тобой рассматриваем как потенциальных террористов. Уразумел?

– Здорово! – восхитился шофер.

– Ну, а если уж стрельбу по машине откроют, пригибайся и уходи из-под обстрела на высокой скорости. Сумеешь?

– Да я… я, Илья Ильич, водитель классный! Даже в авторалли участвовал!

– Париж-Дакар? – полюбопытствовал с улыбкой полковник.

– Да не-е… – смутился Василий. – Тут, по области… На конкурсе профессионального мастерства. Второе место занял.

– Молодец! – сдержанно похвалил Коновалов. Водитель, ловко маневрируя громоздкой машиной, обогнал бричку с беззаботно дремлющим на охапке сена возчиком, обошел раскоряченный на половину дороги «Беларусь» с телегой, спросил осторожно.

– Я вот, товарищ полковник, еще у вас поинтересоваться хочу… По телевизору теперь телохранителей часто показывают – ну, у бизнесменов там разных, политиков… Они, парни-то эти, такие амбалы! А ваши ребята – уж извините за выражение… плюгавенькие какие-то. И росточка среднего. Такие из себя невидные…

– Здоровяками, каратистами да боксерами бывшими только хулиганов уличных остановить можно, – усмехнулся Коновалов. – А настоящему телохранителю серьезная подготовка нужна. Кулаками клиента от пули или взрывчатки не прикроешь. А потому в нашем деле – мозги на первом месте. Ну и огневая подготовка, конечно, и спортивная форма хорошая. Телохранитель должен опасность просчитывать, предвидеть и уметь ее избегать. Так что моим парням не до жиру…

Поддерживая беседу с шофером, полковник между тем цепким взглядом изучал маршрут, пролегающий по узким улочкам, не иначе как на гужевой транспорт рассчитанным, при-

кидывая с неудовольствием, что мест, где можно организовать засаду не только снайпера-одиночки, а целой террористической группы, здесь несчитано.

Вот, например, крутой поворот, за которым прямо к проезжей части примыкает высокий полуразвалившийся сарай с заколоченным фанерой окошком. Впереди – за хлипким забором заросли яблоневого сада, за ним – особняк с мансардой, с которой вся улица – как на ладони. Садись хоть с винтовкой, хоть с гранатометом и выцеливай, не спеша. А потом – огородами, огородами… Слева – церковь заброшенная, со сбитыми куполами. Колокольня – тоже идеальное место для снайпера. Справа, чуть подальше, пустырь, заросший высоченным, в рост человека, бурьяном. Из него можно спокойно отстреляться по машине и уйти перелеском в пойму реки. А там – сплошной бурелом, чаща.

Дом Дарьи Душновой располагался на взгорке и приметно отличался от соседних кривобоких да приземистых саманных мазанок. Был он двухэтажным, отстроенным из хорошего красного кирпича, с необычайными среди окружающей нищеты коваными решетками на окнах.

Коновалов знал этот район городка, прозванный в дни его юности «Конопли». Селился здесь в ту пору люд самый бросовый, запьянцовский, а конопля и впрямь произрастала вокруг отменная, лезла из всех щелей, забивая сытыми стеблями хилые огороды, до которых жители Коноплей были небольшими охотниками. Местные пацаны отличались драчливостью, девки – излишне вольным нравом, и добропорядочные обыватели Козлова старались не появляться в этом районе без крайней надобности.

И вот, поди ж ты, именно сюда он, Коновалов, должен доставить хоть и отставного, но все-таки президента необъятной страны!

– Тормозни-ка здесь, – приказал он водителю за сотню метров до жилища Дарьи Душновой.

Василий послушно остановил машину. Полковник вышел, оглядываясь по сторонам.

Примерно в пятистах метрах отсюда виднелось двухэтажное здание школы. С другой стороны, на таком же расстоянии, бетонной скалой нависала, подавляя окрестности, махина элеватора, И верхние этажи школы, и крыша элеватора давали потенциальному снайперу прекрасный обзор. А это означало, что всякий раз, посещая целительницу, президент будет подвергаться смертельной опасности.

Конечно, в прежние годы в сходной ситуации эти объекты были бы мгновенно блокированы службой охраны, именно их раньше всего оседлали бы специальные группы антиснайперов, но сегодня полковник не имел в своем распоряжении и десятой части потребного для проведения такой операции количества людей. Так что действовать приходилось не числом, а умением, и работать головой, о чем он так хвастливо рассказывал только что простодыре-Василию. Тем более, что на ощутимую помощь со стороны надеяться не приходилось. Московское начальство, выслушав его сообщение об утреннем инциденте, не спешило оценивать его как реальное покушение, отделалось обещанием подключить местное УФСБ, у которого с людьми тоже не густо, а реально озадачило лишь самого Коновалова, посоветовав многозначительно: «Ну ты там смотри, ориентируйся по обстановке»… А что они могли, положа руку на сердце, предпринять для бывшего президента, у которого депутаты Госдумы то и дело грозились отобрать все привилегии и в том числе еще уменьшить охрану?

Коновалов пошел пешком к дому Дарьи Душновой, присматриваясь, примечая.

Здесь было на удивление многолюдно. Очередь к целительнице начиналась еще на улице. На длинной лавочке у забора под ажурной сенью акаций сидело с десяток женщин разного возраста, некоторые с малыми детьми на руках. Здесь же калилось на солнцепеке несколько легковых автомобилей. Их владельцы ожидали приема, парясь с домочадцами, в душных салонах. Полковник неторопливо прошел мимо них к железной калитке. Его насторожило, что по кузову одной из машин – «Жигулей» девятой модели шла броская надпись: «Регион-ТВ».

«Господи, и телевидение прикатило!» – обреченно догадался Коновалов, решительно входя во двор. И здесь вдоль бетонной дорожки, ведущей к высокому каменной кладки крыльцу выстроилась шеренга посетителей, которые загомонили недовольно, видя, как, перешагивая через две ступеньки, споро поднимается к заветной двери невесть откуда взявшийся пациент.

– Я по договоренности, – туманно бросил, чтоб не баламутить нетерпеливую очередь, полковник.

У входа в дом его перехватила одетая в черное платье, закутанная в монашеский платок, женщина, заговорила, посверкивая угольями глаз.

– Ой, не спеши, касатик. Матушка наша целительница порядок любит. К ней на прием за месяц записываются.

Коновалов легко отодвинул ее в сторону, приказал.

– Я не к матушке пришел, а к гражданке Душновой. Ну-ка, проводи меня, быстро!

Упоминание о гражданке подействовало мгновенно. Монашенка забормотала подобострастно:

– Там сейчас, мил человек, телевидение работает. Про нашу матушку-целительницу передачу готовят, велено никого не впускать, пока запись идет.

– Ничего, я в сторонке постою, послушаю, – буркнул полковник и шагнул за порог.

Изнутри обитель знахарки выглядела еще более помпезно – потолки с безвкусной лепниной, аляповатые картины по стенам. На каждой из них была изображена в разных позах одна и та же, в черном одеянии, женщина. Несоразмерно длинными руками она посылала в никуда энергетические лучи. Их изображали прочерченные ядовито-желтой краской линии. При этом целительница взирала из-под низко надвинутого на лоб платка неестественно большими, как у актрис немого кино, сильно подведенными глазами.

– Матушка рисовала, – заметив его взгляд, шепотом пояснила монашка. – У нее и художницкий дар открылся. Автопортрет называется.

– Ну-ну, – кивнул Коновалов. – А сам… оригинал, где обитает?

Провожатая боязливо указала сухоньким пальчиком на распахнутую резную дверь в конце коридора.

– Там она болезных принимает, там и на телевизор снимается.

Ступая по ворсистому ковру, полковник приблизился к двери, заглянул в просторную комнату.

Прежде всего, ему бросился в глаза широкий стол, заставленный, будто в химической лаборатории, разнокалиберными хрустальными шарами, подсвечниками и прочими магическими прибамбасами. Был даже человеческий череп грязно-коричневого цвета, который злобно уставился на полковника провалами черных глазниц. За столом восседала Дарья Душнова – толстая, широкоскулая, с чудно навязанным чалмой платком на голове, с тяжелыми, как речная галька, бусами на складчатой жирной шее и огромными, с лошадиную подкову, золотыми серьгами в ушах. Возле нее, поддерживая микрофон, примостилась девчушка-пигалица в джинсовом костюме, а напротив обосновался оператор, нацелившийся на беседующую парочку громоздкой видеокамерой. В комнате царил полумрак, но установленный на треножнике софит посылал мощный луч на стол, слепя Душнову и беседующую с ней тележурналистку, что делало невидимым для них остающегося в тени полковника.

Благоговейно глядя на Дарью, девчушка бойко тараторила в микрофон.

– Здесь, в Козлове, я лично познакомилась с множеством людей, которых исцелили вы, матушка Дарья. Слава о вас давно перешагнула за границы нашей области. Подтверждением этому стал факт, который я узнала только что. Оказывается, за помощью к вам, признанной народной целительнице, обратился ни кто иной, как Первый президент России! Это правда?

Душнова улыбнулась самодовольно, откинулась на высокую спинку кресла, сказала, перебирая четки, и пристально глядя в камеру.

– Еще не будучи знакома с президентом, я по его фотографиям определила исходящую от него болезнетворную ауру. Его энергетика сильно истощена, что неудивительно при нагрузках, выпадающих на долю главы нашего государства…

– Грамотно излагает, собака! – подумал Коновалов, считавший до того Дарью недалекой, но хваткой бабенкой.

– И это обстоятельство, – продолжала между тем, перебирая зерна четок, целительница, – совершенно не учитывалось светилами официальной, как принято у нас говорить, научной медицины, которые усиленно пичкали президента бесполезными, а то и вредными лекарствами. Я же использую чудодейственные силы безграничного космоса, которые особенно активно концентрируются здесь, в районе нашего города. Моя пра-пра-прабабушка была родом из Египта. А Египет и Козлов, как известно, стоят на месте энергетических узлов, которых насчитывается всего несколько на нашей планете. В их числе наиболее известны Тибет, Пермская аномальная зона…

– Вот стерва! – кипел, вслушиваясь в ее гладкую болтовню, Коновалов, – Уже и телевизионщикам о прибытии президента разболтала!

Отступя в глубь коридора, он терпеливо дождался окончания съемки. Когда в кабинете Душновой загомонила радостно журналистка, оператор отключил слепящий софит, полковник, пользуясь суматохой, достал из кармана спутниковый телефон, вытянул гибкий отросток антенны, сказал вполголоса:

– Второй? Возьми третьего, седлайте «Волгу» и быстро мчитесь к объекту Д. Ваша задача – перехватить «Жигули» девятой модели с надписью «Регион-ТВ» по борту и изъять у находящегося в машине оператора видеокассету. Он отснял ее только что. Это интервью с объектом Д. Действуйте решительно, но корректно. Мотивируйте свои действия соображениями государственной безопасности. Как поняли?

Коновалов помолчал, сосредоточенно слушая ответ, а потом подтвердил приказ.

– Выполняйте… Что? А, это можно. Не согласится добром, дайте разок в морду. Потом отмажемся.

Усмехнулся недобро и отключил телефон.

Когда телевизионщики, смотав шнуры и сложив треноги, распрощались, наконец, с Дарьей, полковник шагнул за порог комнаты, где пахло плавленым воском, гарью свечей и еще чем-то неуловимым сладким -ароматом бумажных кладбищенских цветов, что ли?

– Входи, болезный, – заметив его, властно предложила целительница. Она подобралась, смотрела строго и сосредоточенно. Предостерегающе поднеся указательный палец к губам, предупредила – Молчи. Я сама твой недуг определю, – и забормотала угрожающе. – Вижу, вижу ауру твою. Больная у тебя аура, еле светится. И каналы энергетические засорены, чакры тромбами закупорены… Вовремя ты обратился ко мне, болезный. Еще немного – и никто б тебе не помог. Даже я…

– Об этом ты мне позже расскажешь, – грубо прервал ее полковник – Я начальник службы охраны Первого президента!

– Ой, милый – мигом растеряв магическую спесь, вскочила с кресла целительница. – Уж я ждала, ждала… Чуяло мое сердце, что приедет ко мне наш президент. Нуждается он во мне, сердешный, ох, как нуждается!

– Я лично считаю, что не слишком, – отрезал Коновалов.– Вас, гражданка Душнова, предупреждали, что этот визит носит сугубо конфиденциальный характер! А вы интервью для телевидения раздаете.

– Ой, голубь, – заворковала Душнова. – Это ж… это ж случайно вышло. Они без меня дознались…

– А раз так, – навалился на нее, не давая опомниться, полковник, – раз режим секретности не соблюден, извольте посещать президента на дому, в его резиденции!

– Так ведь, голубь, место у меня в доме святое, заговоренное… – вильнув глазами, завела свое Дарья.

– Обсуждению не подлежит! – отрезал Коновалов. – Завтра в десять за вами придет машина – синий джип или белая «Волга». Еще раз предупреждаю – о ваших… э-э… отношениях с президентом никто не должен знать! Иначе я прерву эти… сеансы по соображениям безопасности. Ясно?

– А как же, голубь вы мой, яснее ясного, – опустила блудливые очи целительница.

– То-то же, – смягчился полковник, и, легонько щелкнув по костяному лбу черепа на столе, полюбопытствовал сочувственно. – А это чей? Вашего бывшего пациента? Видать, здорово вы ему помогли…

И вышел не попрощавшись.

VII

Супруга президента тоже прилегла отдохнуть после утомительного перелета и последующей тряски на плебейской машине по провинциальному шоссе, но едва успокоилась, коснувшись головой подушки, остро пахнущей дешевым стиральным порошком, сон как рукой сняло. Слишком много забот навалилось на нее в последнее время.

Она вовсе не была такой уж простушкой, чтобы безоглядно верить в магическую силу народных целителей. Нет, она, конечно, подозревала, что существует в природе что-то такое… неизведанное пока, недоступное пониманию современной науки, например, в старинных обрядах ворожбы, или траволечении, биоэнергетики той же, но не настолько, чтобы тащить престарелого мужа и самой очертя голову мчаться в захудалый городишко, о существовании которого она и не подозревала раньше, к этой, как ее… Дарье Душновой. Таких душновых – и в Москве пруд пруди, но… Именно она, супруга, должна была устроить так, чтобы Первый президент оказался в эти дни, не вызывая ни чьих подозрений, в глубине России, самой, что ни на есть, глухомани, в гуще народных масс, где слышнее всего, на весь мир, прозвучат сказанные им слова. Те, которые потонули бы неминуемо в грохоте и суете богатой на информационные скандалы столице.

Умные люди подсказали ей этот городок, празднующий в конце недели трехсотлетие со дня основания. Эти же люди позаботятся о том, чтобы на юбилейных торжествах присутствовали корреспонденты сразу нескольких ведущих телеканалов. В числе почетных гостей, которым представят слово на площади перед началом народных гуляний, будет и Первый президент.

Текст его выступления хранился в глубине ее сумочки. Его составили и тщательно отредактировали все те же люди, которые хотели добра ее семье, не раз доказывали преданность Первому президенту и болели душой за нынешнее состояние дел в России.

Все делалось в строжайшей тайне, чтобы не только смысл выступления Первого президента, но даже сведения о его намерении высказаться по поводу текущего политического момента не просочились за пределы семьи. А потому его речь в заштатном городке должна прозвучать внезапно, как гром среди ясного неба, и покатиться по городам и весям, странам и континентам

Тем более, что второго такого шанса могло не быть. Потому что она лучше других знала, как стар и дряхл ее муж. Он еще бодрился порой на публике, хвастался безоглядно, что после игры в теннис любит поплавать в бассейне, запросто преодолевает стометровку, а по вечерам перечитывает классику, с наслаждением изучает умные книги по истории, философии… Однако, на самом деле все это было далеко в прошлом. Он даже ходил с трудом, тяжело передвигаясь мелкой, шаркающей походкой, был по-стариковски плаксив и обидчив, страдал провалами памяти. Книг он отродясь не читал, особенно художественных, тем более философских, разве что труды классиков марксизма-ленинизма перелистывал в молодости, учась в институте, но и тогда она писала за него конспекты по этим наукам.

Видя все это, она испытывала двойственные чувства. С одной стороны, ей, прожившей бок о бок с ним полвека, было жалко и страшно смотреть, как превращается в развалину, глупеет на глазах некогда умный, сильный и видный мужик. С другой, она отчетливо понимала, что есть в этом жутком своей неотвратимостью процессе перерождения изрядная доля его вины. Пусть он газетчикам и лизоблюдам, строчащим за него мемуары, рассказывает, как тяжело он переживал кризисы, то и дело случавшиеся в годы его правления страной, как бессонными ночами разрабатывал грандиозные планы и принимал стратегические решения. Черта с два! Было, конечно, всякое, и нервотрепки хоть отбавляй, однако подорвал он бычье когда-то свое здоровье не государственными заботами, а тяжелым запойным пьянством.

Он пил давно, с удовольствием и без меры, на протяжении стольких лет, сколько она знала его. Пил уже тогда, когда и особых забот-то у него не было, какие уж там заботы и огорчения в студенческой молодости! И после, у руля обкома уже, засадив с утра бутылку водки, шел на работу, и хвастался тем, что с такой дозы у него – ни в одном глазу.

Он любил спиртное, дня не мог без него прожить, и меры не знал. Уж сколько она намаялась с ним, тычков да синяков вынесла!

В то же время при всей крутости нрава муж ее не был жаден до денег. Что бы не болтали теперь злые языки, накоплений, счетов в заграничных банках у него не было. Да, другим давал воровать, кто знает, скольких одарил он с барского плеча, сколько наподписывал по самонадеянности своей и верхоглядству бумажек, приносящих баснословные доходы другим. А себе – ни-ни… И зря, между прочим. Ведь стоит ему совсем ослабеть, а то и, не дай бог, представиться – она отчетливо понимала, какая свора собак окажется спущенной с цепи, и как мгновенно и беспощадно растерзают они осиротевшую семью президента. А ведь есть дети, внуки, зятья, в конце концов, и кто должен загодя порадеть об их безопасности, как не она, бабушка, по сути, старшая теперь в семье… И когда оч-чень важные люди обратились к ней, присоветовали, что делать, она, как главная хранительница очага, пообещала употребить все свое влияние на мужа. Ему и надо-то всего-ничего: сказать несколько слов, благословить одного претендента в начавшейся предвыборной президентской кампании и отказать в своем доверии другому. Тому, которому так необдуманно передал свой пост в начале этого века. И тогда будущее ее семьи, детей, внуков и даже правнуков будет обеспеченным и счастливым. Никто не станет ворошить грязное белье, копаться в старых грехах. Да и деньги, обещанные за это, большие деньги -не лишние.

А случиться все должно здесь, в городке со странным, неблагозвучным названием Козлов…

Она все-таки задремала, и, засыпая уже, улыбнулась. Город Козлов. Символическое место, которое, возможно, определит будущую историю России!

VIII

Триста километров, которые отделяли городок от областного центра, машина майора Сорокина одолела за четыре часа. С завистью смотрел он на быстрые, сверкающие на солнце, словно трассирующие пули иномарки, то и дело пролетавшие с легким шелестом мимо его грохочущей, как ведро с гайками, служебной «Волги», давно выработавшей все мыслимые ресурсы. Разве на такой должен ездить начальник отдела УФСБ, главный борец с терроризмом на территории этого региона?

Давя на газ, и с замиранием сердца ожидая, что старый движок вот-вот захлебнется, сдохнет посреди не слишком оживленной трассы, майор вспоминал, каким безумным романтиком пришел в КГБ в начале девяностых годов, когда едва ли не все население страны дружно шельмовало эту структуру, а вчерашние стукачи, обернувшись ярыми демократами, штурмовали управление, надеясь в неразберихе найти и уничтожить свои личные дела. Сорокин был по убеждениям государственником, патриотом, но в ту пору щеголять этим было не принято. Работа в «конторе» мнилась ему, как трудная, опасная, но чрезвычайно интересная и почетная. В то, что времена губительного для страны либерализма рано или поздно пройдут, он верил твердо. И тогда такие, как он, встающему с колен государству непременно понадобятся..

Однако время шло, из старательного, но бестолкового лейтенанта он превратился в усталого майора, не за горами было и звание подполковника, а в России в принципе ничто не менялось. Да и профессия контрразведчика оказалась не столь интересной, как представлялось когда-то. Правда, секретов и тайн в ней хватало, но, как ни странно, именно они делали его работу бессмысленно-рутинной, лишенной малейшей романтики. Ибо чаще всего майору приходилось выполнять задания, связанные с глубоко законспирированными, неведомым столичным руководством разработанными операциями, ни начала которых, ни исхода Сорокин проследить не мог. Его использовали вслепую, заставляя собирать информацию, внешне вполне заурядную, значения которой он не знал. Иногда он организовывал слежку за людьми, которых в чем-то, несомненно, подозревали, но никогда не сообщали ему, в чем именно, отчего тяготы и лишения службы, к которым он готовил себя, все эти бессонные ночи, вызовы в управления в неурочный час, работа в выходные и праздничные дни казались лишенными смысла и воспринимались порой как издевательство и дурь начальства, маящегося от безделия, и придумывающего, чем загрузить подчиненных.

Правда, возглавив антитеррористический отдел, Сорокин стал заниматься более предметными вещами, но и там работа сводилась большей частью к созданию длиннющих списков потенциально опасных с точки зрения террористических актов промышленных и гражданских объектов, бесчисленных согласований со множеством ведомств, а взятые в разработку по подозрению в причастности к терроризму личности и группы при ближайшем рассмотрении оказывались заурядными уголовными бандами, использующими для решения своих проблем сходные методы – взрывчатку или пулю киллера.

От упертого патриотизма его уже к концу девяностых годов не осталось и следа. Он видел, что страна живет, несмотря ни на что, народ приспосабливается, как может, и многие из его знакомых, не озабоченные государственными идеями, ловко устроились в этой жизни, перетянув одеяло на себя, и пользуются, несмотря на очевидную паразитическую сущность свою, таким уважением в глазах сограждан, какое и не снилось ему, служаке…

Он почти уже решил для себя, что нынешнее задание станет для него последним. Бывшие сотрудники спецслужб с его квалификацией совсем неплохо устраиваются нынче в коммерческих структурах, на зарплаты, в десяток раз превышающие должностной оклад майора, И, отработав в Козлове, он присмотрит себе такое местечко. Определенные предложения уже поступали.

Сорокин не считал командировку в Козлов сложным, а тем более опасным заданием, в то, что на отставного президента покушались всерьез, он не верил. Скорее всего, это своеобразная пиаровская акция с целью напомнить общественности о существовании бывшего главы государства, выманить дополнительные средства на его содержание. Может быть, начальник охраны выдумал этот выстрел, чтобы доказать свою необходимость, повысить денежное содержание…

А если в Первого президента и впрямь бабахнули, то это сделал какой-нибудь ополоумивший от водки местный мужик. Проспится, протрезвеет, и сам ужаснется тому, что натворил. Козлов – не Техас, стрелять в президента там некому, да и незачем.

IX

Побывав у Дарьи Душновой и вернувшись на дачу, Коновалов узнал, что его приглашают поучаствовать в совещании, которое начиналось у главы городской администрации через полчаса. Выслушав доклад подчиненных о том, как ловко, действуя больше нахрапом, чем по закону, они изъяли у перепуганных телевизионщиков видеокассету с интервью, раскрывшим тайну пребывания в Козлове Первого президента, убедившись, что обстановка вокруг резиденции спокойная, полковник отправился на встречу с мэром.

Местная администрация располагалась в здании бывшего горкома партии с непременным памятником Ленина, установленном на круглой железобетонной тумбе с двумя торчащими из нее отростками, напоминающими вытянутые руки со сложенными в кукиш пальцами. И лишь присмотревшись, Коновалов догадался, что тумба символизирует собой башню броневика, а фигообразующие отростки, соответственно, изображают стволы пулеметов «Максим». Городская площадь под их прицелом была пустынной, лишь у подножия памятника бродил мужик с краскопультом, опрыскивая ядовито-зеленой краской пожелтевшую некстати под жарким солнцем газонную травку. На странное занятие это полюбопытствовала сорвавшаяся с привязи коза с волочащейся за ней длинной бельевой веревкой с выдернутым из земли колышком на конце. Животное ткнулось бородатой мордой в свежеокрашенную траву, щипнуло, отпрыгнуло, и, возмущенно мекнув, умчалось на поиски экологически чистого корма.

– Не жрет! – кивнув сочувственно вслед козе, обратился к мужику Коновалов. – Видать, не в цвете дело, а в качестве.

– Дык, это ж наша телезвезда. Избаловалась, язви ее в душу сибирка! – охотно откликнулся тот.

– Телезвезда?

– Ну да! Нынче у нас год какой? Козы… А где коз снимать, как не в нашем Козлове? Вот, понаехали в канун Нового года телевизионщики, стали искать этот, как его… символ! А коз-то и не осталось почти. Нашли вот эту, соседа мово.

Ну и нафотографировали на телевизор. А она, стерва, опосля того зазналась. Доиться меньше стала, бродит, где ни попадя. Звезда, одним словом!

Глядя, как старательно красит мужик пожухлую травку, полковник не удержался, присоветовал:

– А вы после зеленой беленькой кое-где попшикайте. Вроде как ромашки в траве цветут. Или желтенькой – мол, одуванчики. А то им не сезон…

– Дык, ума хватит, заставят, ить, хризантемы нарисовать, – в сердцах оборвал работу мужик. – Я им говорю давеча, давайте Ильича бронзовой краской подмалюю. Пусть, блин, стоит весь золотой! А они – ни в какую. Дескать, не ко времени. Президент, дескать, Ленина не любит, вот и нехрен вождю пролетариата в нашем городе на праздник сиять, выпячиваться….

– Кто они-то? – усмехнулся полковник.

– Дык, эт-то….начальство, – туманно пояснил мужик, и, сплюнув, принялся подкачивать воздух в покрасочный агрегат.

В вестибюле мэрии в этот предвечерний час было пустынно и тихо. Лишь одинокая уборщица елозила шваброй по затоптанному линолеуму, сердито бормоча и шлепая в сердцах сырой тряпкой по полу.

– Где кабинет главы администрации? – спросил у нее Коновалов.

Уборщица махнула рукой в потолок.

– Там. На втором этаже. По лестнице. Да ноги вытирай! А то ходют и ходют…

Полковник хмыкнул. Как все-таки отличается провинция с ее устоявшимися нравами от столицы, где таких вот раздраженных теток в солидных учреждениях давно сменили вышколенные лакеи в униформе – предупредительные и бессловесные…

Он поднялся по крутым ступенькам на второй этаж. Здесь тоже было пустынно и тихо. Глянул на часы. Ну да, опоздал на десять минут. Совещание наверняка началось.

Полковник прошел вдоль дверей кабинетов, рассматривая таблички. Так… «Начальник финансового управления», «Начальник управления сельским хозяйством». Ишь, управления – не отдел какой-нибудь завалящий, – подметил он. Неожиданно в глаза бросилась отличная от прочих, кричащего бордово-кровавого цвета, табличка: «Райком КПРФ». Коновалов присвистнул. Прошел дальше. Кабинетов представителей других партий в здании администрации, по крайней мере, на этом этаже, не было.

Обнаружив, наконец, приемную с чахлым фикусом и цветущей молодой секретаршей, Коновалов представился и прошел в кабинет мэра. Там за длинным столом темной полировки уже сидело два десятка человек. Некоторые были в форме. Взглянув на погоны, полковник определил в них представителей таможни, эмчээс, пограничников и, конечно милиции, куда ж в таком деле без нее!

Начальника президентской охраны узнали, подвинули свободный стул – на почетное место, поближе к мэру.

Глава администрации своим плоским одутловатым лицом и близкопосаженными глазами, гривой густых, с проседью, волос, напоминал доброго льва из детских мультфильмов. У него и отчество оказалось подходящим.

– Сергей Львович, – протянул он крепкую, ухватистую лапу, а потом представил окружающим, – полковник Илья Ильич Коновалов. Гарант, так сказать, безопасности нашего дорогого Первого президента.

Полковник кивнул собравшимся, сел на отведенный ему стул, пододвинул к себе папочку, какие были у всех участников совещания с надписью на обложке: «План мероприятий в честь 300-летия города Козлова».

– Продолжим, друзья, – между тем предложил мэр. – Прежде всего, я бы хотел начать сегодняшний разговор с кратких итогов полугодия. Как же, друзья, сработали труженики нашего города и района в преддверии юбилея? Не могу не отметить, что мы с хорошими темпами, уложившись в агрономически обоснованные сроки, провели весеннюю посевную кампанию. Если бы не проблемы с ГСМ, – глава города скосил глаза на Коновалова, – мы управились бы скорее. Цены на горючее, друзья, как известно, запредельные. И мы просим федеральный центр повлиять на ценовую политику, которую проводят нефтяные компании!

Все посмотрели на начальника президентской охраны, который олицетворял здесь в их глазах «федеральный центр», и полковник кивнул сочувственно – дескать, об этой проблеме нам хорошо известно, будем решать…

Он, привыкший к совещаниям такого рода, отключился, не вникая в цифры и факты – сколько заготовили сена и сенажа, какое количество хлеба скосили в валки, каков намолот с гектара, и, открыв папочку, начал с интересом изучать план праздничных мероприятий.

Первый президент высказал пожелание непременно побывать на торжестве в качестве почетного гостя, и теперь Коновалов пытался представить, как будет проходить празднество с тем, чтобы обеспечить бывшему главе государства максимально возможную в таких ситуациях безопасность.

Закончив свое выступление, из которого выходило, что Козлов и его жители встречают наступающий юбилей хоть и без особых экономических успехов, но вполне достойно, мер стал поднимать чиновников, отвечающих за тот или иной участок предпраздничных работ.

Долго мучали начальника местного ЖКХ – толстого, потного мужика, который, то утирая носовым платком лоб, то хватаясь за сердце, бубнил испуганно про побеленные бордюры,

стволы деревьев, а больше – про нехватку денег, что не позволяло придать рассыпающемуся в труху от старости частному жилому сектору молодцевато-праздничный вид.

Хмурый подполковник погранслужбы пообещал, что граница в эти дни будет на особо крепком замке. Главный милиционер божился, что криминальная ситуация в городе и районе находится под полным контролем правоохранительных органов. Начальник управления культуры огласил перечень увеселительных мероприятий, которыми порадуют население Козлова.

– А дети, дети будут? – листая план, спросил культорганизатора мэр. – Наше, так сказать, подрастающее поколение?

Тот, огладив «чеховскую» бородку, пообещал твердо.

– Мудот детей обеспечит.

Коновалов удивленно поднял брови, спросил шепотом у потного соседа – начальника ЖКХ

– Что за «мудот» такой?

– Муниципальный детский отдел образования и творчества, – без труда расшифровал тот мудреную аббревиатуру.

Полковник усмехнулся диковинному словечку.

– Директор полиграфическо-издателъского комбината, доложите, что у вас, только быстро, – приказал мэр.

Из-за стола поднялся грузный мужчина и, дальнозорко отодвинув от себя бумажку, начал читать.

– Напечатано поздравительных афиш – цветных, к юбилею -триста штук. Патриотических лозунгов типа «Город Козлов – наша родина», в черно-белом исполнении – пятьсот экземпляров…

Полковник представил, как можно сократить название полиграфическо-издательского комбината и опять улыбнулся, поймав на себе недоуменный взгляд чиновного люда.

–.Будем заканчивать, – предложил мэр и вдруг вспомнил, спохватился. – А где у нас коммунист? Коммунист!

– И-й-al – вскочил, вытянув руки по швам и преданно выкатив глаза, низкорослый мужичонка в кожаном, несмотря на жару пиджаке и в красной, политически выдержанной водолазке.

– Ты чего пришипился, не докладываешь? – строго глянул на него глава города. – Что там у нас оппозиция затевает?

Коммунист достал из кармана блокнот, плюнув на пальцы, перелистал страницы, быстро, как тасует опытный картежник колоду карт.

– В сквере у памятника Ленину гулящие товарищи смогут послушать пластинки из репертуара советской эстрады. Да, еще, – замявшись, глянул на Коновалова, – пикет запланирован. По случаю прибытия Первого президента. Под девизом: «Город Козлов – не для президентов – ослов».

– Козлов – с маленькой буквы? – серьезно поинтересовался полковник.

– С большой, конечно, – стушевался оппозиционер. И, покосившись на главу города, вовсе сник. – А что? Критично, но политкорректно, без указания фамилий…

– Это запрещаю, – отрезал мэр. – Песни пойте хоть до утра. А пикета не будет. Крити-ично… – передразнил он коммуниста. – Оппозиция должна быть конструктивной! Критиковать нынче все могут. Хватит, накритиковались. Пора революций закончилась. Давайте работать в одной упряжке!

На этом совещание закончилось. Когда чиновный люд, аккуратно придвигая стулья, покинул кабинет, задержавшийся Коновалов обратился к мэру.

– Лихо это у вас получается. С оппозицией-то.

– Присаживайтесь, Илья Ильич, – предложил тот, тряхнув львиной гривой. – Мы ведь не в столице живем. У меня все под контролем. Им, лидерам оппозиции – что правой, что

левой, одно требуется. Кабинет с телефоном. Да-да, не удивляйтесь. Проверено многолетней практикой. Они ж, коммунисты да демократы, по митингам и пикетам бегают до тех пор, пока им должность в органах власти не дают. А мне что, жалко?

– А почему… коммунисты? Представителей других партий я что-то на вашем совещании не слышал.

– Да других-то и нет! Есть парочка демократов – но уж совсем чокнутых. Да, аграрии еще… Но те и без митингов при деле – там в партии в основном руководители хозяйств заправляют.

– Здорово, – восхитился полковник. – А мой-то шеф, пока у власти был, до такого не додумался. Посадил бы главного коммуниста в Кремле, и – без проблем!

– Практика! – со значением поднял палец мэр. – Мы ближе к земле, нам виднее… Как устроились, Илья Ильич? Пожелания?

– Да нет, все нормально. Есть, правда кое-что… по служебной деятельности. Мне бы с начальником местной милиции потолковать.

– Сделаем, – пообещал мэр и, нажав кнопочку громкоговорящей связи, приказал секретарше:

– Начальника райотдела милиции ко мне. Быстро.

X

Вечером того же дня на одной из элитных дач ближнего Подмосковья встретились двое. Кирпичный забор с рядами блестящей багрово в лучах закатного солнца, и от того еще более зловещей и неприступной колючей проволоки, видеокамеры наружного наблюдения, ворочающиеся грозно, как пулеметы на турелях, да огромные, мечущиеся без привязи тенями, словно выходцы из преисподней, кавказские овчарки, а еще бдительная охрана с зарплатой в пять тысяч баксов, и потому особо старательная и неподкупная – все это исключало появление здесь непрошенных гостей. Высокопрофессиональные спецы из службы собственной безопасности, дважды в день тщательно исследующие каждый квадратный сантиметр поверхности трехэтажного коттеджа, гарантировали отсутствие прослушивающих закладок. И все-таки собеседники предпочли уединиться в ротонде, надежно спрятанной под кроной векового, видевшего иные времена дуба, и оплетенной толстыми лозами дикого винограда.

Хозяин дачи – худощавый, седовласый, с легко угадывающейся в каждом движении военной выправкой указал гостю – человеку, судя по всему, сугубо гражданскому, с заметным брюшком и модной нынче семидневной щетиной на щеках – на кресло напротив, пододвинул скользнувший легко на колесиках столик с закуской, взял в руки бутылку коньяка.

– По рюмочке?

– Уф-ф… – выдохнул, опускаясь в кресло, его гость и энергично замотал головой.

– У нас теперь трезвость – норма жизни. В кабинетах не курят. Мужики с сигаретами по туалетам прячутся.

– Шефа боитесь?

– Еще как. Он, если заметит, и не скажет вроде ничего… А потом при случае обязательно подковырнет. Типа того, что, мол, перекуриваете часто, от того и проблемы в стране не решаются… Одним словом, гэбист. Но я вам, Сергей Иваныч, так скажу. Порядок всегда лучше хаоса – не только в армии, но и в бизнесе. А то как вспомню, какой пьяный клубок по Кремлю еще недавно катался – аж оторопь берет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.